

И. Б. Гаврилов

Вопросы просвещения и образования в русской религиозной мысли второй четверти XIX в.

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10034

Аннотация: Статья посвящена борьбе за «истинное просвещение» ведущих представителей отечественной мысли и культуры в контексте религиозно-философских поисков в России во второй четверти XIX в. Большое внимание уделяется историко-культурному значению личности императора Николая I, его воззрениям на просвещение и образование и проблеме диалога власти с выдающимися деятелями русской культуры. Показано, что главным посредником в данном диалоге выступал министр народного просвещения С. С. Уваров, стремившийся объединить крупнейших интеллектуалов эпохи в решении насущных для общества образовательных задач. В качестве наиболее ярких и репрезентативных примеров рефлексии русской консервативной мысли над вопросами просвещения и образования кратко представлены философско-педагогические воззрения В. А. Жуковского, А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, неразрывно связанные с укорененной в православной традиции идеей нравственного воспитания личности. Отмечено, что выраженный русскими писателями-мыслителями христианский идеал образования и просвещения столкнулся в Николаевскую эпоху с определенными трудностями, однако полученный опыт нуждается в новом прочтении и имеет не только исторический интерес, но и особую актуальность для современности.

Ключевые слова: русская религиозная философия, консерватизм, просвещение, образование, православие, самодержавие, народность, «официальная народность», монарх, Николаевская эпоха, европейская цивилизация, император Николай I, С. С. Уваров, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, русская классическая литература.

Об авторе: **Игорь Борисович Гаврилов**

Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: igo777@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3307-9774>

Ссылка на статью: Гаврилов И. Б. Вопросы просвещения и образования в русской религиозной мысли второй четверти XIX в. // Христианское чтение. 2020. № 2. С. 153–177.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2020

I. B. Gavrilov

Issues on Education and Enlightenment
in Russian Religious Thought
in the Second Quarter of the 19th Century

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10034

Abstract: The article is devoted to the struggle for “true enlightenment” of leading representatives of Russian thought and culture in the context of religious and philosophical searches in Russia in the second quarter of the 19th century. It is focused on the historical and cultural significance of the personality of Emperor Nicholay I, his views on enlightenment and on education and the problem of the dialogue of the government, leading representatives of Russian culture. It is shown that the main mediator in this dialogue was the Minister of public education S. S. Uvarov, who sought to unite the largest intellectuals of the era in solving urgent educational problems for society. The most striking and representative examples of reflection of Russian conservative thought on the issues of education and education are briefly presented the philosophical and pedagogical views of V. A. Zhukovsky, A. S. Pushkin and N. V. Gogol, which are inextricably linked with the idea of moral education of the individual rooted in the Orthodox tradition. It is noted that the Christian ideal of education and enlightenment expressed by Russian writers and thinkers encountered certain difficulties in the Nicholas era, but the experience gained needs a new reading and is now acquiring not only historical interest, but also a special relevance for modernity.

Keywords: Russian religious philosophy, conservatism, education, enlightenment, European civilization, Orthodoxy, autocracy, nationality, “official nationality”, monarch, Nicholay’s era, Emperor Nicholay I, S. S. Uvarov, V. A. Zhukovsky, A. S. Pushkin, N. V. Gogol, Russian classical literature.

About the author: **Igor Borisovich Gavrilov**

Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theology at the St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: igo7777@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3307-9774>

Article link: Gavrilov I. B. Issues on Education and Enlightenment in Russian Religious Thought in the Second Quarter of the 19th Century. *Khristianskoye Chteniye*, 2020, no. 2, pp. 153–177.

Современное состояние российского образования многими исследователями небезосновательно определяется как кризисное. Подверженная огромному влиянию западных секулярных образовательных моделей и оторвавшаяся от собственных национальных и духовно-религиозных корней, в своем мировоззренческом поиске отечественная система образования все чаще обращается за помощью к традициям русской консервативной мысли [Гаврилов, 2016, 2017а, 2018а, 2018b, 2019b] и русской классической литературы Золотого века. Поэтому понятен интерес к такому научному направлению, как философия образования, имеющему глубокие истоки в отечественной культурной традиции [Гаврилов, 2017с, 2019а].

Сегодня как в нашей обыденной речи, так и в научном дискурсе слова «просвещение» и «образование» являются синонимами, что подтверждает и словарь С. И. Ожегова. Однако сравнительно недавно А. В. Моторин напомнил поучительную историю бытования этих понятий в русской культуре, убедительно раскрыв различный смысл «просвещения» и «образования». Последнее православный исследователь связал с рассудочным, материалистическим миропониманием и образом человека как *tabula rasa*¹ в духе либеральной философии Джона Локка. «Просвещение» же, по его мнению, неотделимо от православного духовного мировосприятия, в основе которого лежит свет Христов — свет Божественной премудрости, истины и разума, свыше просвещающий человеческую душу². В России начиная с XVIII в. борьба между «исконным» просвещением и «новоявленным» образованием проявлялась в остром конфликте православного духовного понимания просвещения с пониманием западным, магико-пантеистическим. Конечной целью просвещения в западном понимании мыслилось самообожение человека, тогда как в православном первостепенное значение имело нравственное воспитание, зиждущееся на нормах Божественного порядка [Моторин, 2009].

В 1855 г. князь П. А. Вяземский так писал о сути подлинного просвещения в России: «Нет иного просвещения, как то, которое основано на незыблемых и возвышенных началах чувства религиозного и чувства нравственного»; «Вне этих условий <...> могут быть сведения, познания, ученость, но просвещения не будет»; «Наш разумный и логический язык прекрасно выразил и обозначил словом „просвещение“ истинные свойства науки и учения, которые должны умственно и духовно просвещать человека» [Моторин, 2009]. По мнению А. В. Моторина, православные понятия о просвещении особенно преобладали в государственной, религиозно-философской и педагогической мысли России эпохи Николая I (1825–1855) [Моторин, 2009]. Представляется, что ее изучение может способствовать творческому осмыслению и актуализации классических образцов отечественного просвещения.

Историософская и педагогическая мысль многих писателей и мыслителей второй четверти XIX в. (В. А. Жуковского, П. А. Плетнева, А. С. Пушкина, М. П. Погодина, Ф. И. Тютчева, М. А. Максимовича, С. П. Шевырева, Н. В. Гоголя и др.) неразрывно связана с царствованием императора Николая Павловича (1796–1855), которое началось восстанием декабристов, а завершилось драматическим столкновением России и Запада на полях сражений Крымской войны (1853–1856).

Советская и либеральная историографии сформировали устойчивое мнение, что в историю русского просвещения и образованности Николай I вошел как монарх-реакционер, «жандарм Европы»³, «самодовольная посредственность с кругозором ротного командира» (Ф. Энгельс), «высочайший фельдфебель» (А. И. Герцен), «исчадие мундирного просвещения и гнуснейшей стороны русской природы», «вырезованный лицо у мысли» (К. Д. Кавелин). А. И. Герцен положил начало мифу о «мрачном царствовании», «страшном господстве Николая», согласно которому «Николай довел

¹ «Чистой доски» (лат.).

² Ср. возглас на литургии Преждеосвященных Даров: «Свет Христов просвещает всех».

³ В. И. Ленин писал об отправке Николаем I в 1849 г. войск для подавления Венгерской революции: «России приходилось играть роль европейского жандарма против некоторых, по крайней мере, европейских стран» (Ленин, 1961, 228).

Император Николай I.
Литография. 1830-е гг.

учащуюся молодежь до последней степени унижения... уничтожил в России окончательно следы умственного движения» (В. В. Берви-Флеровский). Либерал и эмигрант князь П. В. Долгоруков⁴ писал: «Тридцатилетнее царствование... — настоящая тридцатилетняя война против просвещения и здравого смысла — было постоянно основано на трех началах: на глубоком презрении к человечеству, на боязни, неосновательной и смешной, всех идей либеральных и благородных и на безумном, постоянно возраставшем боготворении своей личности» (Долгоруков, 1861, 30). Известный либеральный историк С. М. Соловьев также считал, что с воцарением Николая I «просвещение перестало быть заслугой... военный человек, как палка, как привыкший не рассуждать, но исполнять и способный приучить других к исполнению без рассуждений, считался лучшим, самым способным начальником везде... опытность в делах — на это не обращалось никакого внимания. Фрунтовики воссели на всех правительственных местах,

и с ними воцарилось невежество, произвол, грабительство, всевозможные беспорядки» (Соловьев, 1983, 311). Царь, по утверждению Соловьева, «инстинктивно ненавидел просвещение... он был воплощенное „не рассуждать!“» (Соловьев, 1983, 311).

С другой стороны, консервативная христианская мысль создала апологию «незабвенного государя», «монарха-рыцаря», тридцать лет стоявшего на страже Святой Руси посреди революционного европейского хаоса. Особенно ярко этот образ выразил К. Н. Леонтьев, считавший Николая I «великим легитимистом» и «идеальным самодержцем»: «Император Николай, по смотрению свыше, был призван завершить на время то всеобщее разложение, которое еще до сих пор никто не знает, чем и как надолго остановить. И он с величием гения охранителя исполнил свое суровое и высокое назначение» (Леонтьев, 1992, 243). Положительную оценку давали императору и церковные иерархи. Так, митрополит Киевский и Галицкий Платон (Городецкий) говорил: «Я Николая I ставлю выше Петра I. Для него неизмеримо дороже были православная вера и священные заветы нашей истории, чем для Петра. <...> Император Николай Павлович всем сердцем был предан всему чистокровному русскому и в особенности тому, что стоит во главе и основании русского народа и царства — православной вере. То был истинно православный, глубоко верующий русский царь» (Городецкий, 1893).

В 1955 г., спустя 100 лет после смерти Николая I, архимандрит Константин (Зайцев) в статье «Памяти „Незабвенного“» как бы подытожил вековую традицию русской консервативной мысли, назвав николаевское царствование «золотым веком» России, когда «духовно сложились» «первенствующие столпы русской культуры». «Эпоха Николая I явила собою полнейшее раскрытие русского гения» [Зайцев, 2002, 730], — отмечал православный мыслитель.

Император Николай Павлович во многом следовал консервативным политическим наставлениям Н. М. Карамзина, которого высоко ценил и общение с которым в судьбоносные дни междуцарствия довершило формирование его собственного мировоззрения. Как известно, в январе 1826 г. для Николая I была сделана копия

⁴ По приговору Сената был лишен княжеского титула за аморальное поведение.

«Записки о древней и новой России», адресованной Карамзиным в 1811 г. императору Александру I, но имевшей строго конфиденциальный характер и не известной широкой публике.

Консерватизм Николая I ярко проявился уже в день восшествия на престол в его политической победе над мятежниками. Движение декабристов воплощало для него идеи западного безбожного Просвещения, которыми было пропитано российское дворянство. Поэтому свой личный успех в усмирении бунта император считал всеобщим триумфом русского национального духа. В отличие от предыдущих русских монархов XVIII в., зачастую ориентировавшихся на европейские политические образцы, Николай Павлович неизменно определял собственное царствование как «исключительно русское, укорененное в национальной традиции» [Уортман, 2002, 350].

Р. С. Уортман отмечает, что главной ценностью правления Николая I была верность народа монарху и благодарность ему за самопожертвование. В своих многочисленных поездках по России царь воспроизводил «роль военного вождя, окруженного преданными последователями, подавляющего непокорность, безнравственность и человеческие слабости» [Уортман, 2002, 393]. Лорд Лондондерри, посетивший Россию 1836 и 1837 гг., полагал, что «корень привязанности народа к Николаю лежит в его геройском мужестве и способностях, показанных им при овладении скипетром и империей в момент, когда вероломство, беспорядки и шайка изменников подвергли опасности корону империи». Лондондерри был убежден, что действия императора «навсегда утвердили его в сердцах его народа» [Уортман, 2002, 393–394].

Уортман обращает внимание, что хотя в своих выходах к народу Николай Павлович внешне подражал Петру Великому, однако характер и значение явлений двух царей принципиально различались. Петр являлся как внешняя чуждая сила, в виде некоего божества, снисходящего на землю, своими сверхчеловеческими талантами и беспощадностью приводя подданных в ужас и поддерживая дистанцию. Николай же порождал в народе ощущение связанности и близости [Уортман, 2002, 397].

Русское самосознание Николая I выражалось в его стремлении воздвигнуть барьер для западного влияния, в котором он видел главную причину мятежей в России⁵. При поддержке министра народного просвещения С. С. Уварова в 1830-е гг. царь ввел в российских школах, гимназиях, пансионах и университетах обязательное изучение русского языка и преподавание на нем. Показательно и его требование к придворным разговаривать только по-русски. Национальный характер отечественного просвещения Николаевской эпохи, его обновление духом допетровской московской старины ярко проявились также в официальной поддержке исторических исследований [Гаврилов, 2019d, 159–161], поиске и сохранении памятников русского национального искусства, предпочтении русско-византийского стиля в светской и церковной архитектуре (работы архитектора К. А. Тона, закладка императором в 1837 г. комплекса храма Христа Спасителя в Москве). Еще одним существенным штрихом явилось написание композитором А. Ф. Львовым на стихи В. А. Жуковского по поручению царя государственного гимна Российской империи «Молитва русского народа» (1833). Как отмечала правительственная газета «Северная пчела» (3 мая 1840 г.), гимн стал «музыкальным очерком русского духа и русского характера, народности в полном смысле значения слова» [Уортман, 2002, 509].

Находившийся в 1848 г. в Европе Жуковский так описал свои впечатления от прослушивания этого шедевра: «Народная русская песня „Боже, Царя храни!“... не есть что-то определенное, частное, а чудный родной голос, все вместе выражающий. В ней слышится совокупный гармонический привет от всех одноземцев, живших прежде, к живущим теперь. <...> Когда зазвучит для тебя народное слово „Боже! Царя храни“, вся твоя Россия, с ее минувшими днями славы, с ее настоящим могуществом, с ее священным будущим, явится перед тобою в лице твоего государя. <...> Мне было

⁵ Монарху приписывают слова: «Революция на пороге России, но, клянусь, она не проникнет в нее, пока во мне сохранится дыхание жизни, пока, Божию милостью, я буду императором» [Шильдер, 1903, 315].

сладко подумать о своем великом семействе, о нашей России, где все, что здесь так произвольно разрушено: благоговение перед святынею Божией правды и истории и благоговение перед святынею власти державной, из них исходящей, сохранилось неприкосновенным...» (Жуковский, 2008, 424–425). Также при активном участии В. А. Жуковского композитором М. И. Глинкой и либреттистом бароном Е. Ф. Розеном, личным секретарем наследника престола Александра Николаевича, была написана посвященная императору Николаю I первая русская национальная опера «Жизнь за царя» (1836).

Другим важным символическим моментом, сопоставимым с победой над декабристами, стало усмирение Николаем I холерного бунта на Сенной площади в Санкт-Петербурге 22 июля 1831 г. Здесь царь ярко проявил себя не только как победитель бунтующей толпы, но и как воспитатель своего народа. «Стыдно народу русскому, забыв веру отцов своих, подражать буйству французов и поляков!» — говорил император [Уортман, 2002, 395]. А. С. Пушкин писал П. А. Осиповой по этому случаю: «Император отправился туда и усмирил бунт с паразительным мужеством и хладнокровием» (Пушкин, 1962–1965, 842).

В день казни декабристов 13 июля 1826 г. был издан написанный М. М. Сперанским Высочайший манифест, заложивший идейные основы николаевского царствования. Знаменательно, что в нем с особенной силой прозвучали слова «законность» и «просвещение»: «Не от дерзостных мечтаний, всегда разрушительных, но свыше усовершенствуются постепенно отечественные установления, дополняются недостатки, исправляются злоупотребления. В сем порядке постепенного усовершенствования всякое скромное желание к лучшему, всякая мысль к утверждению силы законов, к расширению истинного просвещения и промышленности, достигая к Нам путем законным, для всех отверстым, всегда приняты будут Нами с благоволением; ибо Мы не имеем, не можем иметь другого желания, как видеть отечество Наше на самой высокой степени счастья и славы, Провидением ему предназначенной» [Шильдер, 1903, 706].

Одно из центральных мест в Манифесте занимает проблема нравственного воспитания (прежде всего семейного), которое противопоставляется праздности, мечтательности и полужнаниям: «Да обратят родители все их внимание на нравственное воспитание детей. Не просвещению, но праздности ума, более вредной, нежели праздность телесных сил, — недостатку твердых познаний — должно приписать сие свойство мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нрава, а конец — погибель. Тщетны будут все усилия, все пожертвования правительства, если домашнее воспитание не будет приготавливать нравы и содействовать его видам» [Шильдер, 1903, 705].

Также в документе подчеркнута роль дворянства в деле народного просвещения: «Дворянство, ограда престола и чести народной, да станет и на сем поприще, как на всех других, примером всем другим состояниям. Всякий его подвиг к усовершенствованию отечественного, природного, нечужеземного воспитания мы приимем с признательностью и удовольствием» [Шильдер, 1903, 705–706].

19 августа 1827 г. в Высочайшем рескрипте на имя тогдашнего министра народного просвещения А. С. Шишкова Николай I выразил свое видение народного образования как сословного: «Почитая народное воспитание одним из главнейших оснований благосостояния Державы, от Бога Мне врученной, Я желаю, чтоб для оно были постановлены правила, вполне соответствующие истинным потребностям и положению государства... чтоб повсюду предметы учения и самые способы преподавания были по возможности соображаемы с будущим вероятным предназначением обучающихся» [Высочков, 2018, 571–572].

Как отмечает А. А. Корнилов, император Николай Павлович обратил внимание на проблему народного просвещения сразу же по вступлении на престол. В частности, царь связывал решение вопроса о характере народного образования с направлением

развития политической мысли и задался целью так поставить систему народного воспитания, чтобы она могла предотвращать рост революционных поползновений [Корнилов, 1914].

В этом контексте показателен визит императора в Московский университет 27 сентября 1826 г., во время коронационных торжеств. По свидетельствам современников, Николай I не особенно благоволил к университетам, тем более к Московскому, в котором обучались многие главарь декабристов⁶. Однако, рассматривая революционные учения как плод враждебной России европейской антихристианской философии, монарх выразил желание «видеть в воспитанниках Московского университета прямо русских» (Шевырев, 1855, 505). Т. е. он уже тогда обозначил национальный характер своей политики в сфере образования, отличный от либерального курса Александра I в данном вопросе⁷.

18 февраля 1831 г. Николай I издал указ Сенату «О воспитании российского юношества в отечественных учебных заведениях», где говорилось, что получившие образование за границей «молодые люди возвращаются иногда в Россию с самыми ложными о ней понятиями. Не зная ее истинных потребностей, законов, нравов, порядка, а нередко и языка, они являются чуждыми посреди всего отечественного». Чтобы предотвратить такие случаи, лицам моложе 18 лет запрещалось выезжать за границу «для усовершенствования в науках», причем нарушители запрета теряли право поступать как на военную, так и на гражданскую государственную службу (Сборник, 1875, стб. 423–424).

В то же время историк литературы А. В. Никитенко отмечал в своем дневнике (запись от 1 января 1829 г.): «Твердая деятельность Николая произвела много перемен во внутреннем управлении. Он решает или по крайней мере старается решить в нем вопрос, который с коварным двусмыслием предлагали фанатики и поборники старых предрассудков: полезно ли России просвещение?» (Никитенко, 1955, 85–86).

Многие известные деятели русской культуры того времени (В. А. Жуковский, П. А. Плетнев, А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев, М. И. Глинка, Н. В. Гоголь и др.) возлагали на николаевское царствование большие надежды. Среди них был и молодой поэт-любомудр и литературный критик С. П. Шевырев, после трехлетнего путешествия по Италии собиравшийся возвращаться на Родину и писавший 25 апреля 1832 г. из Женевы своему другу М. П. Погодину: «Все, все убеждает меня, что наша пора пришла, и двинь нас Царь, мы будем первые. С этой уверенностью еду в Россию, радуюсь, что я Русской. Возвращаюсь более Русским, нежели чем поехал. Нам предлежит создать новое поколение чисто-Русских. До сих пор в нас было излишнее влияние Запада, коего крайность должна была пройти с веком Александровым. В действиях нашего Царя я вижу начало новой эпохи, начало, соответствующее нашим желаниям. Авьось мы разгадаем — как быть Русским и что такое Русской» (РО ИРЛИ. Ф. 26. № 14. Л. 171–171 об.). Характерно, что будущий известный педагог и наставник московского студенчества усматривает в шагах взошедшего на престол императора наступление «новой эпохи», благоприятной для русского просвещения и образования и предполагающей раскрытие национального самосознания.

Как замечает Б. Н. Тарасов, царствование Николая I никак нельзя назвать временем перестройки государственного и общественного механизма согласно отвлеченным идеям и западным схемам. Напротив, это был период неустанный патриотического труда, пример которого подавал сам царь, проводивший за государственными делами до восемнадцати часов в сутки и лично вникавший во все нюансы государственного управления. Однако недостаток гуманитарного образования и недоверие

⁶ А именно: член ложи «Трех добродетелей» Н. М. Муравьев, его младший брат А. М. Муравьев, а также председатель «Северного общества», мастер ложи «Трех добродетелей», несостоявшийся «диктатор» С. П. Трубецкой и др.

⁷ В александровское царствование преобладали идеи «универсального христианства», главным выразителем которых был министр духовных дел и народного просвещения князь А. Н. Голицын [Гаврилов, 2019d, 147–148].

к философии, безусловно, ограничивали его видение вопросов народного просвещения. Получив военно-инженерное образование и обладая практическим складом ума, император неизменно отдавал предпочтение военным и прикладным наукам, инженерным и строительным дисциплинам перед гуманитарными и теоретическими. И если в Петре I порой видели плотника на троне, то его потомок любил говорить: «Мы — инженеры» [Тарасов, 2007, 25].

Тем не менее, по мнению исследователя, неверно называть Николая I прямым продолжателем Петра Великого, «прорубившего окно в Европу», т. к. Николаю Павловичу была присуща скорее устремленность к преодолению негативных последствий бездумной вестернизации, восстановлению нарушенной связи времен, актуализации плодотворных начал русской истории. Даже такой непримиримый критик николаевской России, как маркиз А. де Кюстин, автор знаменитого русофобского трактата «Россия в 1839 году», невольно восхищался усилиями царя вернуть высшим образованным сословиям национальный дух: «Во мне поднимается волна почтения к этому человеку. Всю силу своей воли он направляет на потаенную борьбу с тем, что создано гением Петра Великого; он боготворит сего великого реформатора, но возвращает к естественному состоянию нацию, которая более столетия назад была сбита с истинного своего пути и призвана к рабскому подражательству» [Кюстин, 2008, 261].

* * *

Главным воплощением державной воли, систематизатором конкретных, но разрозненных мыслей императора о просвещении и организатором независимой системы отечественного образования в Николаевскую эпоху выступил граф Сергей Семенович Уваров (1786–1855). Свою знаменитую триаду «Православие. Самодержавие. Народность» он сформулировал как русский ответ на триаду Французской революции «Свобода. Равенство. Братство». Наряду с Пушкиным и Жуковским, Уваров испытал значительное влияние идей Н. М. Карамзина, выдвинувшего теорию самодержавия как палладиума России⁸.

В 1832 г., по возвращении из инспекционной поездки в Московский университет, Уваров еще в чине товарища министра представил Николаю I письменный отчет, в котором, в частности, говорилось: «Твердо уповаю, что нам остаются средства. <...> Постепенно завладевши умами юношества, привести оное почти нечувствительно к той точке, где слиться должны, к разрешению одной из труднейших задач времени, образование правильное, основательное, необходимое в нашем веке, — с глубоким убеждением и теплой верою в истинно русские охранительные начала православия, самодержавия и народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего отечества» (Барсуков, 1896, 82–83).

Под «народностью» Уваров понимал самобытность и национальное самосознание русского народа, основанные на национальных традициях, исторической памяти и представлении об особом историческом пути России. Неслучайно даже в официальных текстах, касаясь триады, он порой заменял абстрактное понятие «народность» более конкретным — «дух русский» (Уваров, 1839, 7).

Нельзя не согласиться с М. А. Маслиным, отмечавшим, что Уваров не является единственным автором триады. Очевидно, что она не могла бы стать «идеологемой николаевского царствования» без одобрения Дома Романовых и лично царствовавшего императора, а также без значительной интеллектуальной и информационной поддержки ведущих журналистов, писателей, ученых и университетских профессоров того времени [Маслин, 2016, 150].

Важно подчеркнуть, что среди высшей российской бюрократии и европеизированной аристократии еще со времен Екатерины II многие с недоверием воспринимали

⁸ Стоит отметить и благоговейное личное отношение к Карамзину Николая I. По-видимому, царь собирался назначить его на высокий государственный пост, чему помешала только смерть выдающегося историка.

идею развития образования в России, опасаясь, «чтобы народ не стал по кругу своих понятий в уровень с монархами и не посягнул тогда на ослабление власти» [Гаврилов, 2019d]. Однако С. С. Уваров, напротив, был убежден, что именно самобытное образование и просвещение сможет надежно защитить страну от угрожающих ей социально-политических катаклизмов.

Значимым инструментом в реализации программы развития российского образования стал для Уварова выпуск с 1834 г. ежемесячного «Журнала Министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП), к работе в котором он привлек выдающихся сотрудников — П. А. Плетнева, Н. И. Бутырского, Ю. А. Штекгардта, А. А. Фишера, М. П. Погодина, С. П. Шевырева, Н. В. Гоголя и др. [Гаврилов, 2019d, 171].

Один из ближайших и авторитетнейших соратников министра профессор Санкт-Петербургского университета П. А. Плетнев в своей речи «О народности в литературе» (1833), опубликованной в первом номере ЖМНП, назвал русскую литературу ключевой составляющей народности. Как отмечает И. А. Виноградов, провозглашение русской литературы основой концепции народности стало прямым предложением к сотрудничеству ведущим отечественным писателям — А. С. Пушкину, Н. В. Гоголю и проч., что вполне отвечало внутренним убеждениям самих литераторов [Виноградов, 2019].

В данной статье подробнее рассматривается вклад, внесенный в осмысление вопросов просвещения и образования тремя видными мыслителями и писателями Николаевской эпохи — В. А. Жуковским, А. С. Пушкиным и Н. В. Гоголем. Выбор этих персоналий отнюдь не умаляет значения других знаменитых деятелей второй четверти XIX в. (Ф. И. Тютчева, П. А. Плетнева, М. П. Погодина, С. П. Шевырева, С. О. Бурачка и т. д.), но предполагает продолжение начатого разговора и включение в него новых имен.

* * *

Первым и наиболее авторитетным, хотя и неофициальным сотрудником С. С. Уварова можно назвать Василия Андреевича Жуковского (1783–1852) — поэта-романтика, открывшего «русской поэзии душу человеческую», переводчика, мыслителя, педагога и наставника наследника престола⁹. Эта замечательная фигура особенно интересна с точки зрения раскрывшегося в ней в Николаевскую эпоху религиозно-философского и образовательного потенциала.

Прот. Г. Флоровский связывал становление Жуковского как поэта и мыслителя с философией русского сентиментализма — воспитанием «души в мечтательности и чувствительности, в некой „святой меланхолии“» [Флоровский, 1991, 117]. Флоровский видел в Жуковском с его «гениальным диапазоном сочувственных и творческих перевоплощений» характерный психологический тип александровского

⁹ Дружеские отношения между С. С. Уваровым и В. А. Жуковским завязались еще со времен их совместного участия в литературном обществе «Арзамас» в 1815–1818 гг. После кончины Василия Андреевича С. С. Уваров в 1853 г. увековечил пребывание поэта в своей усадьбе «Поречь» установлением обелиска.

Сергей Семенович Уваров.
Худ. Н. И. Уткин с оригинала
В. А. Голике. 1836 г.

Василий Андреевич Жуковский.
Худ. П. Ф. Соколов с оригинала
К. П. Брюллова. 1837 г.

времени — «эпохи пробуждения сердца», в религиозном сознании которой идея Божественного провидения получила «суеверный магический отклик». Однако вряд ли можно согласиться с утверждением богослова-эмигранта, что Василий Андреевич навсегда остался западным мечтателем и немецким пиедистом. Идеиная и политическая эволюция русского романтизма в эпоху Николая I ставит под сомнение многие известные аксиомы и требует детального исследования.

Достоинство проявив себя при дворе как учитель русского языка великой княгини Александры Федоровны, в 1826 г. поэт получает приглашение стать наставником наследника престола цесаревича Александра Николаевича (будущего императора Александра II). Это назначение привело его к «отречению» от поэзии. «Теперь живу не для себя», — писал Жуковский 30 марта 1830 г. императору Николаю I (Жуковский, 2008, 302). Глубоко уверовав в огромное значение для всей России «образования цар-

ской души», своей целью он поставил воспитание в наследнике «монарха великой империи» (Жуковский, 2008, 283). Поэт, по собственному признанию, сделался близким другом царской семьи, неизменно верным слугой императора и русской монархии: «Я, по глубокому убеждению, а не по страху полиции, верую в необходимость самодержавия и более всего желаю сохранить его для нашей России неприкосновенным» (Жуковский, 2008, 450). Придворная карьера Василия Андреевича вызвала множество насмешек — так, декабрист А. А. Бестужев ерничал в эпиграмме, долгое время приписываемой Пушкину: «На саван променяв ливрею, / На пудры — лавры и венец, / С указкой втерся во дворец».

В последующие годы раскрылся талант Жуковского не только как практика, но и как теоретика образования. Разрабатывая программу обучения цесаревича на двенадцать лет вперед, на первом месте среди необходимых качеств властителя он поставил просвещенность, призванную сообщить монарху «способность властвовать благотворно». В письме матери наследника императрице Александре Федоровне поэт так раскрыл главную задачу своего служения: «Воспитание должно возвысить его до предстоящего ему величия» (Жуковский, 2008, 639).

Среди наставлений Жуковского царственному воспитаннику отметим наказ строго следовать законам и быть образцом их исполнения для своих подданных, а также призыв к распространению просвещения: «Уважай закон и научи уважать его своим примером: закон, пренебрегаемый царем, не будет храним и народом. Люби и распространяй просвещение: оно — сильная подпора благонамеренной власти; народ без просвещения есть народ без достоинства; им, кажется, легко управлять только тому, кто хочет властвовать для одной власти, — но из слепых рабов легче сделать свирепых мятежников, нежели из подданных просвещенных, умеющих ценить благо порядка и законов» (Жуковский, 2008, 271).

Завершив процесс воспитания наследника в 1841 г., Жуковский получил в награду пожизненную пенсию. Однако и на покое, проживая в Германии, он до самой своей смерти обращался в письмах к повзрослевшему царственному ученику, который не мог оставаться равнодушным к его советам. Впоследствии К. П. Победоносцев, занимаясь обучением и воспитанием будущего императора Александра III, познакомил

его с этими письмами как примером государственной мудрости и понимания души человеческой.

Приведем лишь один пример. Так, в письме от 15 декабря 1847 г. Жуковский объясняет наследнику, что «могущество царя тогда только твердо, когда оно оперто на нравственность народа», в основе которой лежит «просвещение христианское, или знание управлять силами естественными и умственными согласно с высшею целию» (Жуковский, 1994, 45).

По мнению Б. Н. Тарасова, любовь царя к народу, «самоотвержение власти», твердое соблюдение религиозно-этических устоев, стремление сочетать их с необходимыми преобразованиями времени и «отделять то, что оно уже умертвило, питать то, в чем уже таится зародыш мысли» [Тарасов, 2007, 21–22], — эти принципы образовательной стратегии Жуковского находили живой отклик как в «ледяном» сердце монарха-отца, так и у его сына, будущего императора-Освободителя. Здесь уместно привести строки из стихотворения Л. М. Шах-Пароньянца (1902 г.) о Василии Андреевиче: «Не он ли был виновник главный / Свободы Русской всей земли, / И не его ли в ум державный / Благие мысли залегли?..»

В последние годы самым близким Жуковскому писателем стал Н. В. Гоголь, с которым его роднило религиозное уmonoстроение. Откликом на гоголевские «Выбранные места из переписки с друзьями» явилась книга статей Жуковского «Мысли и замечания», законченная в 1850 г., но отвергнутая цензурой (частично была опубликована в 1857 г.). В ней поэт проявляет себя как религиозный мыслитель, ищущий духовные объяснения европейским революционным потрясениям и общему смятению умов. «Мысли и замечания» проникнуты идеей «христианской философии», под которой автор понимает применение христианских истин в жизни, приложение христианского идеала к политической деятельности, к философскому, поэтическому и педагогическому творчеству. При этом он подчеркивает: «По моему направлению философическому я строгий христианин; я теперь вполне убежден, что не может быть другой философии кроме христианской, то есть кроме основанной на Откровении» (Жуковский, 2008, 449); «Я желаю, чтобы в моих христианских рассуждениях и тени несогласного с православием не встретилось» (Плетнев, 1885, 671–672).

Собственное отрезвление от призраков западного романтизма Жуковский связывал с началом семейной жизни: именно в семье он видел живую школу самопознания, путь, «ведущий к Спасителю прямее другого, потому что мы на нем короче узнаем то добро, какое в душе нашей есть, и то зло, какое надобно в ней истребить» [Долгушин, 2009, 140].

Христианская философия противопоставляется им умозрительной: «Всякая умозрительная философия извлекает понятия из ума; от ближайшего она переходит к дальнейшему и так возвышается до понятия о Боге. Это понятие есть всеобщий результат умозрения. Христианская философия, напротив, извлекает все из понятия о Боге: понятия о мире, о человеке и об отношениях человека к миру, к человеку и Богу суть результат понятия о Боге, данного Откровением, принятого верою. Умозрительная философия идет рядом с религиею. Философия христианская подчинена религии. <...> Первая стремится к истине и гордо мечтает сорвать с нее покрывало. Последняя истекает из истины, открывшейся не уму, а вере, и цель ее — смирение» (Жуковский, 2004, 294). «Иной философии быть не может, как философия христианская, которой смысл: от Бога к Богу, — подчеркивает Жуковский в письме к А. С. Стурдзе (1850 г.), — философия, истекающая из одного ума, есть ложь. Пункт отбытия всякой философии, point de depart¹⁰, должен быть Откровение» [Долгушин, 2009, 262].

Консервативный характер христианской философии В. А. Жуковского и его воззрение на просвещение наиболее ярко проявились в 1848 г., в разгар революционных событий на Западе, свидетелем которых он стал. В одном из поздних программных

¹⁰ «Отправная точка» (франц.).

текстов «О стихотворении: Святая Русь (письмо к князю Вяземскому)», характеризую духовное состояние современной ему европейской цивилизации, мыслитель отмечает господство эгоизма и мертвой материальности и возведение на Божий престол ума человеческого: «Цивилизация сама себя погубит, или, лучше сказать, распадется на гнилые части, ибо она есть труп без души, если не возвратится к тому пункту, с которого начала свой путь и на котором оставила свою душу: веру в святое. Возможен ли этот возвратный путь? Это знает один Всезнающий» (Жуковский, 2008, 432).

Западной образованности, согласно Жуковскому, присущи два негативных признака — «самодержавие ума человеческого и уничтожение Царства Божия» и «владычество всех и каждого и уничтожение общества» (Жуковский, 2008, 432).

Поэт выдвигает идею «истинно христианского образования» применительно к условиям как Запада, так и России: «Итак, чтобы предохранить цивилизацию Европы от ниспадения в варварство, надлежит возвратить ее к началам, ею утраченным. Чтобы дать самобытную цивилизацию России, должно развить сии добрые начала, сохранившие всю чистоту свою, но еще не вполне в смысле своем употребленные. Сии начала для России суть Церковь и самодержавие. Под развитием Церкви разумеется более деятельное введение ее учения в умственную и практическую жизнь истинным христианским образованием, оградив его от всякого самовольного лжемудрия, образованием, которое у нас до сих пор слишком ограничено было одними формами...» (Жуковский, 2008, 434).

В. А. Жуковский продолжительное время занимался разработкой целостной программы российского просвещения, в которой образование было неразрывно связано с воспитанием. Стоит также отметить, что поэт-мыслитель ратовал за всеобщее образование в России, чем на много десятилетий опередил своих современников.

* * *

Для истории отечественного просвещения немаловажно, что В. А. Жуковский выступал в качестве христианского наставника и морального учителя для своего младшего друга А. С. Пушкина. 12 апреля 1826 г. он писал Пушкину: «...Ты рожден быть великим поэтом и мог бы быть честью и драгоценностью России. Но я ненавижу все, что ты написал возмутительного для порядка и нравственности. <...> Наши отроки, при плохом воспитании, которое не дает им никакой подпоры для жизни, познакомились с твоими буйными, одетыми прелестью поэзии мыслями; ты уже многим нанес вред неисцелимый. Это должно заставить тебя трепетать. Талант — ничто. Главное — величие нравственное. Извини эти строки катехизиса» (Жуковский, 2008, 254).

Талантливый ученик и идейный наследник Н. М. Карамзина и В. А. Жуковского, Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837) вошел в историю не только как великий поэт и создатель русского литературного языка, но и как консервативный мыслитель, «убежденный монархист» (по определению С. Л. Франка) (Пушкин, 1999, 362).

Как отмечает А. В. Моторин, европейское образование, полученное поэтом в Царскосельском лицее, было основано на концепции просвещения как восстановления божественной сущности человеческой души. Последнее мыслилось как безликий и безличностный «Свет», а в просвещенной душе видели безликое излучение подобия «Света». Это мировоззрение имело гностические, каббалистические и неоплатонические истоки и распространилось в Новое время в тайных обществах иллюминатов («просветленных», «просвещенных»). Для юного Пушкина закономерным следствием лицейского образования стало вступление в 1821 г. в масонскую ложу [Моторин, 2012, 199].

По собственному признанию поэта, наиболее значительное влияние на формирование его мировоззрения в юности оказали идеи французского Просвещения и скептицизма (Вольтер, Дидро, П. Бейль и др.). Неслучайно его лицейским прозвищем было «Француз». Однако со второй половины 1820-х гг. Пушкин постепенно отходит от юношеского скептицизма и атеизма, «непрерывно идет созревание и углубление

духовной религиозности, нарастание глубокого религиозного сознания» (Пушкин, 1999, 433), поэт обретает понимание главенствующей роли христианства в мировой истории¹¹.

Узнав о восстании декабристов, в начале 1826 г. Пушкин написал дружеское письмо к А. А. Дельвигу, в котором отмежевался от идеи насильственного революционного переворота: «...Никогда я не проповедовал ни возмущений, ни революции — напротив» (Пушкин, 1962–1965, X, 200). А в своем наиболее зрелом программном прозаическом произведении «Капитанская дочка» (1836) поэт отмечал: «Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических» (Пушкин, 1962–1965, VI, 455–466).

В 1834 г. Пушкин подверг жесткой критике философские принципы французского Просвещения: «Ничто не могло быть противоположное поэзии, как та философия, которой XVIII век дал свое имя. Она была направлена противу господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов, а любимым орудием ее была ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная» (Пушкин, 1962–1965, VII, 312).

Вольтерьянский дух рассудочного отрицания для зрелого Пушкина был неприемлем — рассуждая об «Орлеанской девственнице» Вольтера, он отмечает: «...Весь его (Вольтера. — *И. Г.*) разрушительный гений со всею свободою излился в цинической поэме, где все высокие чувства, драгоценные человечеству, были принесены в жертву демону смеха и иронии, греческая древность осмеяна, святяня обоих заветов обругана» (Пушкин, 1962–1965, VII, 313). В заметке «Последний из свойственников Иоанны Д'Арк» (1836) поэт называет этого «идола Европы» палачом и надругателем: «Он сатаническим дыханием раздувает искры, тлевшие в пепле мученического костра, и как пьяный дикарь пляшет около своего потешного огня. Он как римский палач присовокупляет поругание к смертным мучениям девы» (Пушкин, 1962–1965, VII, 512).

Широко известно, что в сентябре 1826 г., приняв освобожденного из ссылки в Михайловском Пушкина и выслушав его чистосердечное признание, Николай I объявил ему монаршую милость. Император избавил поэта от общей цензуры и поручил ему подготовить записку «О народном воспитании», назвав после встречи «умнейшим человеком России».

Философ Г. Г. Шпет замечает по этому поводу: «Верный инстинкт подсказал Николаю Павловичу обратиться к Пушкину. Карамзин, Жуковский, Пушкин, кн. Вяземский и все пушкинское были единственною возможностью для нас положительной, не нигилистической культуры» [Шпет, 1989, 262].

Вопросы народного воспитания на тот момент уже нашли отражение в нескольких специальных текстах, представленных императору. Таковы были, например,

Александр Сергеевич Пушкин.
Худ. Т. Райт. 1837 г.

¹¹ «Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство» (Пушкин, 1962–1965, VII, 143).

«Записка о недостатках нынешнего воспитания российского дворянства и средствах обратить оное совершенно на пользу императорской военной и гражданской службы» начальника Южных военных поселений графа И. О. Витта, записка «О народном просвещении в России», представленная 20 апреля 1826 г. попечителем Харьковского учебного округа А. А. Перовским и др.

В последней автор связывал систему народного просвещения с системой правительства, отдавая предпочтение наукам положительным и точным, т. к. «мы имеем нужду в медиках, химиках, технологах, но весьма сомнительно, чтобы появление в отечестве русских Кантов и Фихте принесло какую-нибудь пользу». Метафизику Перовский относил к «роскоши ума человеческого», вредной для «еще юного» русского народа: «Я не говорю, что надлежит запретить преподавание наук отвлеченных и уничтожить кафедры оных, при университете учрежденные; но полагаю, что необходимо нужно было бы заключить преподавание сие в пределы, самим правительством назначенные и резкими чертами отделенные от самовольного лжемудрствования» (Погорельский, 1901).

Как отмечает Р. Г. Эймонтова, император весьма благосклонно принял мнение Перовского, а некоторые из его охранительных предложений были воплощены в жизнь: в университетах началось сокращение преподавания философских, юридических и политических наук, образование стало носить более прикладной и утилитарный характер, не приветствовалось теоретизирование преподавателей и т. д. [Эймонтова, 2000, 122]. На этом фоне пушкинская записка «О народном воспитании» приобретает особое значение.

30 сентября 1826 г. поэт получил письмо от генерал-адъютанта А. Х. Бенкендорфа, который сообщал опальному гению: «Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы Вы занялись предметом о воспитании юношества. Вам предоставляется совершенная и полная свобода, когда и как представить Ваши мысли и соображения. И предмет сей должен представить Вам тем обширнейший круг, что на опыте видели совершенно все пагубные последствия ложной системы воспитания» (Пушкин, 1962–1965, X, 660).

Уже 23 декабря Бенкендорф написал Пушкину письмо, где известил его, что «Государь Император с удовольствием изволил читать рассуждения Ваши о народном воспитании», но «при сем заметить изволил, что принятое Вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительно основанием совершенства, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее Вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число молодых людей. Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному. На сих-то началах должно быть основано благонаправленное воспитание» (Пушкин, 1962–1965, VII, 660–661).

Стержевая мысль, пронизывающая текст поэта, — преимущество государственного воспитания отроков и юношей над частной школой, неприятие иноземных систем обучения. Придерживаясь национального мировоззрения, зрелый Пушкин проявил себя как «свободный консерватор» и в вопросах народного просвещения, черпающего силы в религиозном источнике. Он не только усматривал опасность для отечества во влиянии чужеземного идеологизма, но и считал корнем зла отсутствие воспитания, сочувственно цитируя приводимые выше строки царского Манифеста 1826 г.: «Не просвещению, но празности ума...».

Также в записке Пушкин высказался в пользу упразднения телесных наказаний и о необходимости «внушить воспитанникам правила чести и человеколюбия». Кроме того, поэт отметил потребность нового отношения к историческим дисциплинам. По его мнению, «преподавание истории (особенно новейшей) должно будет совершенно измениться. Можно будет с хладнокровием показать разницу духа народов, источника нужд и требований государственных. Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину. „История государства Российского“ есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека. Россия слишком

мало известна русским; сверх ее истории, ее статистика, ее законодательство требует особенных кафедр. Изучение России должно будет преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целью искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве» (Пушкин, 1962–1965, VII, 48).

Пушкинское понимание просвещения вызрело на русской почве и коренным образом отличалось от западного, провозглашавшего веру в силу рассудка и обожествлявшего знание и прогресс. Поэт связывал истинное просвещение с православным монашеством, несущим свет Христов, а не эмпирические научные знания¹². Именно поэтому он резко отзывался об императрице Екатерине II, которая для многих была идеалом просвещенного монарха. В заметках по русской истории XVIII в. Александр Сергеевич, в частности, писал: «Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени. Но, лишив его независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла сильный удар просвещению народному» (Пушкин, 1962–1965, VIII, 130).

Преодолевая антиклерикализм французского Просвещения, Пушкин подчеркивал заслугу русского ученого монашества перед отечественной историей и просвещением: «В России влияние духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно в землях римско-католических. Там оно, признавая главою своею папу, составляло особое общество, независимое от гражданских законов, и вечно полагало суверенные преграды просвещению. У нас, напротив того, завися, как и все прочие состояния, от единой власти, но огражденное святыею религиею, оно всегда было посредником между народом и государем, как между человеком и Божеством. Мы обязаны монахам нашей истории, следственно, и просвещением» (Пушкин, 1962–1965, VIII, 130).

Другим ярким примером живого интереса поэта к вопросам просвещения является статья «Александр Радищев», подготовленная в 1836 г. для журнала «Современник», но тогда не опубликованная. В ней Пушкин коснулся проблемы мнимого, поверхностного образования, или «полупросвещения», в основе которого лежит «презрение ко всему прошедшему»: «В Радищеве отразилась вся французская философия его века: скептицизм Вольтера, филантропия Руссо, политический цинизм Дидрота и Рейналя; но все в нескладном, искаженном виде, как все предметы криво отражаются в кривом зеркале. Он есть истинный представитель полупросвещения. Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения, наобум припорошенные ко всему, — вот что мы видим в Радищеве» (Пушкин, 1962–1965, VII, 359).

Еще Н. В. Гоголь одним из первых попытался раскрыть значение Пушкина в истории русского просвещения: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в конечном его развитии...» (Пушкин, 2006, 317).

Как известно, советская партийная идеология стремилась выставить поэта безбожником, вольтерьянцем, политическим радикалом, единомышленником декабристов и т. п., тогда как русская религиозная мысль от Ф. М. Достоевского до И. А. Ильина и С. Л. Франка видела в нем великого христианского мыслителя, учителя и пророка (Пушкин, 1999, 343).

Так, И. А. Ильин подчеркивал заслугу Пушкина в указании русскому народу его жизненной цели, которую поэт прозрел не через отвлеченные теории, а своим собственным бытием и духовным опытом (Пушкин, 1999, 354). В становлении Пушкина как национального мыслителя философ выделял «страстное и радостное углубление в русскую стихию, в русскую душу, в русское прошлое, в русскую простонародную, сразу наивную, откровенную и детскую жизнь» (Пушкин, 1999, 354).

¹² Ср. со словами прп. Иоанна Лествичника: «Свет монахов суть Ангелы, а свет для всех веков — монашеское житие» (Иоанн Лествичник, 2001, 186).

Н. А. Бердяев отмечал: «Пушкин был великим явлением национального бытия. <...> Через Пушкина, после Пушкина могло лишь начаться идеологическое самосознание. Это хорошо понимал Достоевский» [Бердяев, 2007, 230].

Действительно, Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» дал глубокую интерпретацию «русской идеи» и красоты художественных образов гениального поэта-мыслителя: «Не в нынешней нашей цивилизации, не в „европейском“ так называемом образовании (которого у нас, к слову сказать, никогда и не было), не в уродливостях внешне усвоенных европейских идей и форм указал Пушкин эту красоту, а единственно в народном духе нашел ее, и только в нем» (Достоевский, 1984, 130).

А. В. Моторин описывает эволюцию пушкинского мировоззрения как переход от усвоенных в лице идей европейского Просвещения к народно-православному взгляду на просвещение, основанному на мистическом понятии о Христе как Божественном Слове и Свете (Ин 1:1–9) [Моторин, 2012, 200]. Идеальный поворот исследователь видит уже в стихотворении «Второе послание к цензору» (1824), в котором времена князя А. Н. Голицына названы «мрачной годиной», зато прославляется новый министр народного просвещения А. С. Шишков («И ярче уж горит светильник просвещенья»). Православно-русское представление о просвещении ярко выражено у Пушкина также в вышеупомянутой записке «О народном воспитании» (1826) и стихотворении «Пророк» (1826), содержащем описание просвещения души человека огнем Божественного слова. По мнению Моторина, уже в 1820-е гг. Пушкин предвосхитил идеологию русского просвещения «Православие. Самодержавие. Народность», впоследствии сформулированную графом С. С. Уваровым [Моторин, 2012, 200].

В течение многих лет, вплоть до начала 1835 г., А. С. Пушкин и С. С. Уваров находились в дружеских отношениях: в 1832 г. они вместе посетили Московский университет, Уваров перевел на французский язык стихотворение Пушкина «Клеветникам России» (1831). Однако столь необходимый России союз просвещенного вельможи и первого русского поэта — союз власти и литературы — оказался разрушенным из-за нелепого недоразумения между двумя выдающимися консерваторами, связанного с публикацией Пушкиным в декабре 1835 г. в журнале «Московский наблюдатель» сатирической оды «На выздоровление Лукулла». Хотя впоследствии поэт изменил свое мнение о сановнике, конфликт уже разгорелся, и примирение оказалось затруднительным. Как отмечает И. А. Виноградов, своим выпадом против Уварова Пушкин сделал невозможным «сотрудничество с властью в осуществлении общегосударственной, возглавляемой министерством Уварова программы — программы укрепления начал православия, самодержавия и народности» [Виноградов, 2019, 85].

* * *

Переходя к воззрениям другого сторонника уваровской концепции народного просвещения, писателя-мыслителя и убежденного консерватора Николая Васильевича Гоголя (1809–1852), прежде всего необходимо отметить огромное нравственное, идейное и литературное влияние на него двух его старших современников — А. С. Пушкина и В. А. Жуковского. Последний даже по-дружески обращался к автору «Ревизора» «Гоголек», что много говорит об их человеческой близости. Гоголь же видел в Жуковском своего учителя, прямо называя его «мой истинный учитель и наставник». Готовясь к паломничеству на Святую Землю, Николай Васильевич писал старшему другу: «У Гроба Господа испрошу, да поможет мне отдать тебе хотя бы часть того умного добра, которым наделил меня ты» (Гоголь, 1994, VI, 68).

Прот. Г. Флоровский в своем критическом анализе видит своеобразие мировоззрения писателя в сочетании аскетического начала и стремления к общественной деятельности, а основной категорией его миропонимания считает «службу», которую связывает с идеей «социального христианства» [Флоровский, 1991, 265–271]. Важно

подчеркнуть, что и для Николая I «служба» была ключевой категорией убеждений и деятельности: «Я смотрю на человеческую жизнь только как на службу, так как каждый служит», — заявлял император [Шильдер, 1903, 147].

В 1834 г. Н. В. Гоголь становится одним из наиболее активных идейных сторонников и сотрудников С. С. Уварова по «Журналу Министерства народного просвещения», опубликовав в нем четыре статьи: «План преподавания всеобщей истории» (№ 2), «Взгляд на составление Малороссии», «О малороссийских песнях» (№ 4) и «О средних веках. Вступительная лекция, читанная в С.-Петербургском университете адъюнкт-профессором Н. Гоголем» (№ 9) (две последние были написаны по прямому заказу министра). В статье «План преподавания всеобщей истории» писатель так определяет важнейшее назначение преподавателя: «Цель моя — образовать сердца юных слушателей... чтобы никакой легкомысленный фанатик и никакое минутное волнение не могло поколебать их; сделать их кроткими, покорными, благородными, необходимыми и нужными сподвижниками великого государя» (Гоголь, 1994, VI, 269–270).

Влияние уваровской концепции «Православие. Самодержавие. Народность» можно обнаружить и во многих поздних сочинениях Гоголя («Тарас Бульба», «Ревизор», «Мертвые души» и др.), в его переписке и особенно в последней крупной книге «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847).

Так, глубокое религиозно-нравственное понимание русской народности Гоголь дает в письме к графине А. М. Виельгорской: «Что такое значит сделаться русским на самом деле? В чем состоит привлекательность нашей русской породы, которую мы теперь стремимся развивать наперерыв, сбрасывая все ей чуждое, неприличное и несвойственное? <...> Высокое достоинство русской породы состоит в том, что она способна глубже, чем другие, принять в себя высокое слово Евангельское. <...> Хорошо возлеянные в сердце семена Христовы дали все лучшее, что ни есть в русском характере» (Гоголь, 1994, IX, 446–447).

Как отмечает И. А. Виноградов, именно здесь лежат духовные основы замысла «Мертвых душ»: смерть душ героев поэмы заключается в том, что они вместо Спасителя — источника русского просвещения — принимают идеи западного еретического Просвещения, «чужebesия». Герои оказываются мертвыми душами в своем отношении к Богу, царю и отечеству, они неправославны, неверноподданны и ненациональны [Виноградов, 2001, 85].

В 1840-е гг., после выхода книги «Выбранные места из переписки с друзьями», писателю пришлось столкнуться с резкой критикой своих воззрений, особенно со стороны западников. Так, идейный вождь революционно-атеистического западничества В. Г. Белинский, выступавший за национальное просвещение на основе идеи европейского прогресса, видел в позднем Гоголе апологета реакции и мракобеса: «Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов» (Белинский, 1982, 194–195). В своем знаменитом письме Гоголю критик отвергает самые основы православного миропонимания писателя: «Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны

Николай Васильевич Гоголь.
Худ. Э. А. Дмитриев-Мамонов
с рисунка 1840-х гг.

не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе; права и законы, сообразные не с учением Церкви, а с здравым смыслом и справедливостью; и строгое, по возможности, их выполнение» (Белинский, 1982, 193).

В неотправленном письме Белинскому Гоголь отвечает: «Вы говорите, что спасение России в „европейской цивилизации“, но какое это беспредельное и безграничное слово. Хотя бы определили, что нужно подразумевать под именем европейской цивилизации. Тут и фаланстеры, и красные, и всякие, и все готовы друг друга съесть, и все носят такие разрушающие, такие уничтожающие начала, что трепещет в Европе всякая мыслящая голова и спрашивается поневоле: где же цивилизация?» (Гоголь, 1994, IX, 399).

Гоголь выступает в защиту православного духовенства и Церкви Христовой, подчеркивая, что никто лучше нее не раскроет истинное учение Христа: «Кто же, по-Вашему, ближе и лучше может истолковать теперь Христа? Неужели нынешние коммунисты и социалисты, объясняющие, что Христос повелел отнимать имущества и грабить тех, которые нажили себе состояние? Опомнитесь!» (Гоголь, 1994, IX, 400).

Спасение России писатель усматривает в соборной церковной молитве русского народа: «Вы говорите, что Россия долго и напрасно молилась. Нет, Россия молилась не напрасно. Когда она молилась, то она спасалась. Она помолилась в 1612 [г.], и спаслась от поляков; она помолилась в 1812 [г.], и спаслась от французов» (Гоголь, 1994, IX, 403).

В конце своего письма в ответ на обвинение Белинского в том, что он якобы проповедует пользу невежества и безграмотности крестьян, автор «Мертвых душ» еще раз акцентирует мысль, которая, по его словам, проходит сквозь всю его книгу, — «как просветить прежде грамотных, чем безграмотных», т. е. «народ меньше испорчен, чем все это грамотное население» (Гоголь, 1994, IX, 404–405).

Именно в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь раскрывает православное понимание просвещения как «Христово света, просвещающего всех». В программной главе «Просвещение» он напрямую связывает просвещение с церковно-литургической традицией и святоотеческим пониманием человека: «Мы повторяем теперь еще бессмысленно слово „просвещение“. Даже и не задумались над тем, откуда пришло это слово и что оно значит. Слова этого нет ни на каком языке, оно только у нас. Просветить — не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято из нашей Церкви, которая уже почти тысячу лет его произносит, несмотря на все мраки и невежественные тьмы, отовсюду ее окружающие, и знает, зачем произносит» (Гоголь, 1994, VI, 70–71).

Проблема просвещения также затрагивается писателем в статье «Правило жития в мире», где Гоголь подчеркивает, что воспитание «должно происходить в беспрестанном размышлении о своем долге, в чтении тех книг, где изображается человек в подобном нам состоянии, круге, обществе и звании и среди таких же обстоятельств, — и потом в беспрестанном применении и сличении всего этого с законом Христа» (Гоголь, 1994, VI, 284).

Современный исследователь указывает, что в данной статье содержится самая точная формула гоголевского понимания просвещения — «просвещенный верою», заимствованная Николаем Васильевичем из текста «Святого Прокла, архиепископа Константинопольского, Послание к армянам о вере», опубликованного в журнале «Христианское чтение» (1841, № 1) [Сартаков, 2013].

Таким образом, в своем зрелом творчестве и особенно в поздней публицистике и духовной прозе Н. В. Гоголь смог противопоставить современной цивилизации и европейскому пониманию просвещения просвещение в русском смысле, или православно-церковное просвещение. Несомненно, эти воззрения великого писателя напрямую

связаны с программой национального строительства, поставленной перед российским обществом Николаем I и его министром.

* * *

Последние годы 30-летнего царствования Николая I были омрачены волной революционных выступлений по всей Европе, которые вынудили императора ужесточить внутренний режим. Эта жесткая политика позволила некоторым историкам назвать заключительный этап его правления (1848–1855) «мрачным семилетием». Тогда же покинул свой пост (1849) главный идеолог и просветитель граф С. С. Уваров, в течение шестнадцати лет (1833–1849) создававший национальную систему образования. Занявший место Уварова П. А. Ширинский-Шихматов ввел определенные ограничения на университетское преподавание философии¹³. Политика нового министра удовлетворяла императора — по свидетельству обер-прокурора Святейшего Синода графа Н. А. Протасова, Николай Павлович не терпел «самого имени философия», считая философию «нечестивой, безбожной, мятежной наукой» [Эймонтова, 2000, 121].

Однако стоит отметить, что известные представления о «мрачном семилетии» не укладываются в простую схему. Так, при новом министре просвещения увидел свет циркуляр от 5 ноября 1850 г., согласно которому в российских университетах были образованы кафедры педагогики. Основной их задачей стала подготовка русских домашних наставников, способных заменить в дворянских семьях гувернеров-иностранцев [Гаврилов, 2017с, 315]. «Говорят, что я — враг просвещения: западное развращает их, я думаю, самих; совершенное просвещение должно быть основано на религии», — считал император [Смирнова-Россет, 1989, 172].

К концу жизни Николай I доверял в основном преданным исполнителям и администраторам, проверенным военным кадрам¹⁴. Но, как замечает Б. Н. Тарасов, сила и дисциплина без нравственного подкрепления незаметно ослабляли государство, искоренение мятежного революционного духа принимало порой карикатурные формы, когда, например, носители бороды стали «предметом непрерывного полицейского наблюдения, ибо в Европе борода есть отпечаток принадлежности какому-либо злонамеренному политическому обществу» [Тарасов, 2007, 61].

Даже такой консерватор, как М. П. Погодин, в годы Крымской войны вынужден был признать: «Мы начали останавливать у себя образование, стеснять мысль, преследовать ум, унижать дух, убивать слово, уничтожать гласность, гасить свет, распространять тьму, покровительствовать невежеству; государь, очарованный блестящими отчетами, не имеет верного понятия о настоящем положении России...» (Погодин, 1874).

По мнению Б. Н. Тарасова, о практически реализованном союзе государственной власти и русской общественной мысли в эпоху Николая I говорить сложно, т. к. власть

Император Николай Павлович.
Худ. К. Я. Афанасьев. 1852 г.

¹³ Известны его слова: «Польза от философии не доказана, а вред от нее возможен».

¹⁴ Об этом свидетельствует, например, тот факт, что из 53 тогдашних губернаторов 41 были военными.

зачастую отталкивала от себя образованных патриотов¹⁵, которые могли бы оживить и наполнить более глубоким идейным содержанием и духовным смыслом провозглашенное императором и С. С. Уваровым триединство религии, государственности и народности. Для этого власти следовало проявить больше гибкости и расширить круг союзников, сотрудников и советников за счет привлечения талантливых просвещенных мужей из разных сословий [Тарасов, 2007, 62].

Некоторые авторы считают закономерным и становление именно в Николаевскую эпоху — время господства естественных наук над абстрактными — вождей т. н. социал-демократического, а точнее радикально-революционного движения и идеологов материалистических доктрин¹⁶. Еще в 1866 г., размышляя об источниках и причинах распространения нигилизма, М. Н. Катков указал на духовную атмосферу Николаевской эпохи с ее засильем цензуры и ограничениями для развития свободной мысли: «Все эти лжеучения, все эти дурные направления родились и приобрели силу посредности в делах, касающихся самых дорогих для него интересов, — посредности общества, находившегося под цензурой и полицейским надзором во всех сферах своей жизни. Все эти лжеучения и дурные направления, на которые слышатся теперь жалобы, суть плод мысли подавленной, неразвитой, рабской во всех своих инстинктах, одичавшей в своих темных трюсках» [Гаврилов, 2018b, 158].

Историк русской мысли эмигрант Д. И. Чижевский также писал о взаимосвязи недостатков политики Николая I с развитием российского «просвещенства» 1860-х гг.: «Николаевская эпоха была сама уже в известном смысле переходом к просвещенству!» [Чижевский, 2007, 291]. Чижевский даже утверждал, что универсальный утилитаризм вовсе не был открытием шестидесятников, но якобы уже Николай I стал проводником идеи «государственного интереса», которая предшествовала принципу полезности: «Из школы николаевских десятилетий вышли и Писарев, и Чернышевский, и Ткачев, и Варфоломей Зайцев. Они, с первого взгляда антиподы Николая Павловича, были лучшими продолжателями его традиции в отношении к духовной культуре» [Чижевский, 2007, 292].

Безусловно, приведенные суждения историка-эмигранта представляют собой крайнюю точку зрения, в своем субъективизме не учитывающую религиозный аспект мировоззрения императора. Созидаемая и укрепляемая Николаем I Российская империя оставалась православным государством, православие являлось основанием всей образовательной системы, что и было отражено в формуле русского консерватизма графа С. С. Уварова.

Здесь уместно процитировать слова генерала А. О. Дюгамеля, особо подчеркивавшего общий консервативный, антилиберальный и антиреволюционный характер государственной политики императора: «Он никогда не соглашался на какие-либо сделки с революцией, и даже либерализм внушал ему подозрения. В качестве самодержца всей России император Николай пришел к убеждению, что для империи не было иного спасения, как в союзе с консервативными принципами, и в течение всего тридцатилетнего царствования никогда не уклонялся от предначертанного пути» [Высочков, 2018, 223].

Также заслуживает внимания оценка младшего современника императора поэта Аполлона Николаевича Майкова, который был убежден, что со временем значение личности монарха будет возвышаться в силу его причастности русскому началу: «Николай был русский. Он понимал русскую толпу, русское как господствующее в империи. Но общество, им найденное (с декабристами вместе), было французское, или мистическое католически, или вольтерианское. Либеральная же молодая партия николаевского времени — чаадаевская; следовательно, и старое, и новое

¹⁵ Например, московских славянофилов. См.: [Лушников и др., 2019; Гаврилов, 2017b].

¹⁶ Речь идет об А. И. Герцене, В. Г. Белинском, М. А. Бакуине, а также Н. Г. Чернышевском, Н. А. Добролюбове и других недоучившихся семинаристах, ставших в 1860-е гг. лидерами нигилистического направления, кумирами «передовой общественности» [Гаврилов, Антонов, 2019с].

поколения — нерусские. <...> Словом, он был один на этой дороге. <...> Громадная воля его была бессильна перед обществом. Один упрек ему: зачем все-таки он не увлек за собой общество? Недоставало ему помзания гения. Что понимал он дело, видно из того, что толковал художникам: велел Тону <...> изучать московскую архитектуру; обращал к русской истории... хлопотал о русском гимне со словами; Кукольник, Полевой в угоду ему брали сюжеты из русской истории. Он не непричастен к „Жизни за Царя“. <...> Жаль, что он не нашел славянофилов. Это потому, что между им и ними стояли Бенкендорфы» (Майков, 2010, 151–152).

А. Н. Майков видел в Николае I великую и трагическую фигуру, с которой связана смена исторических эпох (Майков, 2010, 149), последнего императора, выразителя уходящего века с его идеей героического служения, воплотившего в себе традиционные христианские ценности и нравственные идеалы: «Взрыв Севастополя завершил древнюю историю России; завершил эпоху создания государства, век славы, величия, самоотвержения и службы всех русских людей и сословий, создания силы русского государства. <...> Кончился старый век, встретясь под Севастополем с новым. Новый должен был победить, но с каким величием пал старый, — и во главе его — последний император, крепкий, могучий человек, умерший, надорвавшись сердцем, понявший падение старого мира, умерший под солдатской шинелью. Новый век — век личности. Что принесет — Бог весть. Но старый закончен, и только невежда не может понимать его величие» (Майков, 2010, 158).

За обличаемым либералами и западниками веком несвободы и крепостного права, подавленной личности и произвола агентов власти Майков усматривает бытие древней православной Руси, сокрытой под образом петербургской империи: «Эта Русь, воспитанная на житиях, Русь с христианским идеалом, — и этот идеал житий есть то, что составляло ее внутреннюю жизнь, ее внутреннюю святость, внешняя слава и деяния — только ее внешняя оболочка, внешнее проявление» (Майков, 2010, 158).

Итак, император Николай I был глубоко верующим христианином и безоговорочно православным монархом, чего нельзя сказать о многих его предшественниках в XVIII в. Кроме того, он был первым из российских царей, кто не просто серьезно интересовался отечественной историей, но и всячески поддерживал и развивал ее как науку и на университетском уровне, и в культурной среде [Боханов, 2005, 276–277].

Николаевская эпоха — это время кодификации государственного законодательства, формирования военного и технического образования, появления первых железных дорог, открытия Пулковской обсерватории (1829), Технологического института (1828) и Училища правоведения (1835) в Санкт-Петербурге, Университета Святого Владимира в Киеве (1833) и многого другого. Приведем также некоторую статистику¹⁷: в годы правления Николая I расходы на содержание Министерства народного просвещения увеличились более чем вдвое, значительно возросли зарплаты и пенсии преподавателей и учителей. С начала царствования императора к 1854 г. число подчиненных министерству средних и низших учебных заведений увеличилось с 1411 до 4423, преподавателей в них — с 5844 до 9013, учащихся — с 69629 до 220023. Количество учащихся, относившихся к другим ведомствам, достигло 100000 человек [Восторгов, 1995, 45].

Император-христианин, Николай I выступал главным защитником православия на Святой Земле, однако эта христианская политика привела к столкновению с мировыми державами и Крымской войне¹⁸. Монарх-рыцарь и страж легитимизма, верный заветам Священного союза, он спас от гибели Австрийскую империю, подавив Венгерское восстание, но через несколько лет был предан Домом Габсбургов, а в Европе получил репутацию «душителя свободы».

¹⁷ Все цифры даны без учета Польши и Финляндии.

¹⁸ Либеральные и советские историки рассматривают Крымскую войну как катастрофический итог всей политики Николая I. Однако вряд ли можно согласиться с такой трактовкой, если учесть, что николаевская Россия с честью выдержала мощный натиск целой враждебной Европы.

Закончим этот краткий обзор политики и философии просвещения Николаевской эпохи, невозможный без обращения к личности императора, строками из стихотворения А. Н. Майкова о Николае I:

В нем виден каждый миг державный повелитель,
И вождь, и судия, России промыслитель
И первый труженик народа своего.
С благоговением гляжу я на него,
И грустно думать мне, что мрачное величье
В его есть жребии: ни чувств, ни дум его
Не пощадил наш век клевет и злоязычья!
И рвется вся душа во мне ему сказать
Пред сонмищем его хулителей смущенным:

«Великий человек! Прости слепорожденным!
Тебя потомство лишь сумеет разгадать,
Когда история пред миром изумленным
Плод слезных дум твоих о Руси обнажит
И, сдернув с истины завесу лжи печальной,
В ряду земных царей твой образ колоссальный
На поклонение народам водрузит».

Из всего вышесказанного очевидно, что история развития отечественной философии образования, как и реальный опыт создания российской системы народного просвещения в Николаевскую эпоху нуждаются во всестороннем научном исследовании и новом прочтении, свободном и непредвзятом, очищенном от ложных и конъюнктурных идеологических схем и стереотипов. Наша статья является не попыткой утверждения очередных идеологических догм, призванных заменить прежние, а приглашением к серьезному разговору, продиктованному очевидной актуальностью вопросов образования в современном российском обществе, ищущем свой путь решения глобальных проблем и идеал просвещения на путях синтеза Востока и Запада, отечественного и европейского, родного и вселенского.

Источники и литература

Источники

1. РО ИРЛИ — РО ИРЛИ. Ф. 26. № 14. Л. 171–171 об.
2. Барсуков (1896) — *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22 т. Кн. X. СПб.: Погодин и Стасюлевич, 1896. XV, 583 с.
3. Белинский (1982) — *Белинский В. Г.* Письмо к Н. В. Гоголю // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века. [Сборник] / [Сост., вступ. ст., с. 7–41, и примеч. В. К. Кантора, А. Л. Осповата]. М.: Искусство, 1982. С. 192–201.
4. Гоголь (1994) — *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений: в 9 т. / [Сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова]. М.: Русская книга, 1994.
5. Долгоруков (1861) — *Долгоруков П. В.* Правда о России, высказанная князем Петром Долгоруковым: Ч. 1–2. Paris: A. Franck, 1861 (Лейпциг). Ч. 1. [4], XVI, 236 с.
6. Достоевский (1861) — *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26: Дневник писателя 1977, сентябрь — декабрь 1880, август. Л.: Наука: Ленинградское отделение, 1984. 518 с.
7. Жуковский (1994) — *Жуковский В. А.* Из дневников 1827–1840 годов / Публикация А. С. Янушкевича // Наше наследие. 1994. № 32. С. 35–49.

8. Жуковский (2008) — *Жуковский В. А.* Василий Андреевич Жуковский. Путь мой лежит по земле к прекрасной, возвышенной цели... Жизнь и поэзия одно. Ты жил и будешь жить для всех времен!... / Подгот. Е. Ю. Филькина. М.: Русский мир, 2008. 748 с.
9. Жуковский (2004) — *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 14: Дневники. Письма-дневники. Записные книжки: 1834–1847 / Сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М.: Языки славянской культуры, 2004. 767 с.
10. Иоанн Лествичник (2001) — *Иоанн Лествичник, прп.* Преподобного отца аввы Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица в русском переводе с алфавитным указателем. М.: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2001. 352 с.
11. Кюстин (2008) — *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году (основной том) / Пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. СПб.: Крига, 2008. 704 с.
12. Ленин (1961) — *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 17: Март 1908 — июнь 1909. XXIV, 655 с.
13. Леонтьев (1992) — *Леонтьев К.* Цветущая сложность. Избр. статьи / [Сост., вступ. ст., с. 6–66, и коммент. Т. Глушковой]. М.: Молодая гвардия, 1992. 318, [2] с.
14. Майков (2010) — *Майков А. Н.* Записная книжка (Публикация Н. В. Володиной) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 147–170.
15. Никитенко (1955) — *Никитенко А. В.* Дневник: в 3 т. / [Подготовка текста, вступ. статья и примеч. И. Я. Айзенштока]. [М.]: Гослитиздат, 1955–1956. Т. 1: 1826–1857. XLIV, 543 с.
16. Городецкий (1893) — *Платон (Городецкий), митр.* Об императоре Николае Павловиче. URL: http://dugward.ru/library/nikolay1/mitr_platon.html (дата обращения: 01.03.2020).
17. Плетнев (1885) — *Плетнев П. А.* Сочинения и переписка П. А. Плетнева: с портр. авт.: в 3 т. / По поручению 2-го Отделения Императорской академии наук издал [и снабдил предисл.] Я. Грот. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1885. Т. 3. XI, 745, [1] с.
18. Погодин (1874) — *Погодин М. П.* XVI. Октября 18. О влиянии внешней политики нашей на управление // *Погодин М. П.* Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М, 1874. С. 245–271. URL: http://dugward.ru/library/pogodin_m_p/pogodin_o_vlianii_vneshney_politiki.html (дата обращения: 01.03.2020).
19. Погорельский (1901) — *Погорельский А.* [Перовский А. А.] [О народном просвещении в России]. URL: http://dugward.ru/library/pogorelskiy/pogorelskiy_o_narodnom_prosvechenii.html (дата обращения: 01.03.2020).
20. Пушкин (2006) — *Пушкин А. С.* Александр Сергеевич Пушкин. Моя родословная. Я числюсь по России. Единственное явление русского духа. Великая тайна / Подгот. М. Д. Филин. М.: Русский мир, 2006. 765 с.
21. Пушкин (1962–1965) — *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); 3-е изд. М.: Наука, 1962–1965.
22. Пушкин (1999) — *Пушкин А. С.* Пушкин в русской философской критике. Конец XIX — XX век / [Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч.: Р. А. Гальцева]. М.: ЦГНИИ ИНИОН РАН; СПб.: Унив. кн., 1999. 591 с.
23. Сборник (1875) — Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: в 2 т. Т. 2: Царствование императора Николая I. 1825–1855. Отделение 1-е: 1825–1839. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875. 1576 стб., 69 с., 53 стб.
24. Смирнова-Россет (1989) — *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания / Изд. подгот. С. В. Житомирская; [АН СССР]. М.: Наука, 1989. 789 с.
25. Соловьев (1983) — *Соловьев С. М.* Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // *Соловьев С. М.* Избранные труды. Записки / Подгот. А. А. Левандовский, Н. И. Цимбаев. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 233–235.
26. Уваров (1839) — *Уваров С. С.* Обзорение действий правительства за истекшее пятилетие // Журнал Министерства народного просвещения. 1839. № 1. С. 1–36.
27. Шевырев (1855) — *Шевырев С. П.* История Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевыревым: 1755–1855. М.: В Унив. тип., 1855. XII, 584 с.

Литература

28. Бердяев (2007) — *Бердяев Н. А.* Константин Леонтьев: очерк из истории русской религиозной мысли; Алексей Степанович Хомяков. М.: АСТ: Хранитель, 2007. 445, [1] с.
29. Боханов (2005) — *Боханов А. Н.* Русская идея. От Владимира Святого до наших дней. М.: Вече, 2005. 393, [2] с.
30. Виноградов (2001) — *Виноградов И. А.* Исторические воззрения Гоголя и замысел поэмы «Мертвые души» // Гоголеведческие студии. Нежин, 2001. Вып. 7. С. 77–93.
31. Виноградов (2019) — *Виноградов И. А.* «Когда в товарищах согласья нет...» А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, С. С. Уваров // Два века русской классики. 2019. № 1. С. 34–103.
32. Восторгов (2019) — *Восторгов И. И., прот.* Полное собрание сочинений: в 5 т. СПб.: Царское дело, 1995. Т. 4. 658 с.
33. Выскочков (2018) — *Выскочков Л. В.* Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М.: Академический проект, 2018. 999 с.
34. Гаврилов (2016) — *Гаврилов И. Б.* Степан Петрович Шевырев о «русском воззрении» // Христианское чтение. 2016. № 1. С. 229–289. DOI: 10.24411/1814-5574-2016-00008.
35. Гаврилов (2017a) — *Гаврилов И. Б.* К вопросу о характеристике философского и научного наследия С. П. Шевырева // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. 2017. № 1. С. 122–133. DOI: 10.24411/2541-9587-2017-00011.
36. Гаврилов (2017b) — *Гаврилов И. Б.* Константин Аксаков о «русском воззрении» (1830–1840-е гг.) // Христианское чтение. 2017. № 1. С. 238–262. DOI: 10.24411/1814-5574-2017-00030.
37. Гаврилов (2018a) — *Гаврилов И. Б.* К характеристике религиозно-философского мировоззрения М. Н. Каткова // Христианское чтение. 2018. № 3. С. 192–214. DOI: 10.24411/1814-5574-2018-10067.
38. Гаврилов (2017c) — *Гаврилов И. Б.* К характеристике философии воспитания С. П. Шевырева // Христианское чтение. 2017. № 4. С. 307–326. DOI: 10.24411/1814-5574-2017-00080.
39. Гаврилов (2019a) — *Гаврилов И. Б.* К характеристике философии образования А. С. Шишкова // Христианское чтение. 2019. № 3. С. 181–203. DOI: 10.24411/1814-5574-2019-10055.
40. Гаврилов (2018b) — *Гаврилов И. Б.* Михаил Никифорович Катков. Жизнь. Труды. Мировоззрение // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. 2018. № 1. С. 136–177. DOI: 10.24411/2541-9587-2018-10009.
41. Гаврилов (2019b) — *Гаврилов И. Б.* Михаил Никифорович Катков как охранитель традиционных русских начал // Русско-Византийский вестник. 2019. № 1 (2). С. 204–221. DOI: 10.24411/2588-0276-2019-10013.
42. Гаврилов, Антонов (2019c) — *Гаврилов И. Б., Антонов С. В.* Памфил Данилович Юркевич: защита философии и полемика с нигилизмом // Христианское чтение. 2019. № 1. С. 178–189. DOI: 10.24411/1814-5574-2019-10116.
43. Гаврилов (2019d) — *Гаврилов И. Б.* Сергей Семенович Уваров. Жизнь. Труды. Мировоззрение // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. 2019. № 2 (4). С. 131–191. DOI: 10.24411/2541-9587-2019-10019.
44. Долгушин (2009) — *Долгушин Д. В., свящ.* В. А. Жуковский и И. В. Киреевский: из истории религиозных исканий русского романтизма. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 350, [1] с.
45. Зайцев (2002) — *Константин (Зайцев), архим.* Памяти «Незабвенного» // Император Николай Первый. Николаевская эпоха. Слово русского царя. Апология рыцаря. Незабвенный / Сост. М. Д. Филин. М.: Русский мир, 2002. С. 729–731.
46. Корнилов (1914) — *Корнилов А. А.* Сергей Уваров и народное просвещение при Николае I. URL: <http://rushist.com/index.php/kornilov/1122-narodnoe-prosveshchenie-pri-nikolaie-i> (дата обращения: 01.03.2020).
47. Лушников и др. (2019) — *Лушников Д. Ю., свящ., Гаврилов И. Б., Иванов П. К.* И. В. Киреевский о характере христианского просвещения. Философско-педагогический контекст // Христианское чтение. 2019. № 1. С. 167–179. DOI: 10.24411/1814-5574-2019-10016.
48. Маслин (2016) — *Маслин М. А.* Консервативный поворот в истории идей // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 147–152.

49. Моторин (2012) — *Моторин А. В.* Духовные направления в русской словесности XIX века: монография. НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2012. 504 с.
50. Моторин (2009) — *Моторин А. В.* Просвещение или образование? О путях русской педагогики в новое время. URL: <http://pravoslavie.ru/32783.html> (дата обращения: 01.03.2020).
51. Сартаков (2013) — *Сартаков Е. В.* «Просвещенный верою»: проблема сути истинного просвещения в книге Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» и русской консервативной журналистике первой половины 1840-х гг. // Медиаскоп: Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. 2013. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/node/14206> (дата обращения: 01.03.2020).
52. Тарасов (2007) — *Тарасов Б. Н.* Черты правления Николая I // Николай Первый. Рыцарь самодержавия / [Сост., вступ. ст. и коммент. Б. Н. Тарасова]. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 3–65.
53. Уортман (2002) — *Уортман Р. С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Материалы и исследования: в 2 т. / [Авториз. пер. С. В. Житомирской]. М.: ОГИ, 2002. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. 606, [1] с.
54. Флоровский (1991) — *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия / С предисл. прот. И. Мейендорфа и указ. имен. Киев: Христианская благотворительная ассоциация «Путь к истине», 1991. 599, [1] с.
55. Чижевский (2007) — *Чижевский Д. И.* Гегель в России. СПб.: Наука, 2007. 409, [1] с.
56. Шильдер (1903) — *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование: в 2 т. СПб.: А. С. Суворин, 1903. Т. 1. [6], 800 с.
57. Шпет (1989) — *Шпет Г. Г.* Сочинения / [Ред. совет: В. С. Степин (пред.) и др.; Журн. «Вопр. Философии» и др.; Предисл. Е. В. Пастернак]. М.: Правда, 1989. 601, [1] с.
58. Эймонтова (2000) — *Эймонтова Р. Г.* В новом обличии (1825–1855) // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / В. Я. Гросул, Б. С. Итенберг, В. А. Твардовская и др.; Под ред. В. Я. Гросула. М.: Прогресс-традиция, 2000. С. 105–191.